

Peter Žeňuch – Peter Zubko et alii

Liturgické jazyky
v duchovnej kultúre
Slovanov

Monotematický súbor štúdií

Bratislava 2017

RECENZENTI

Доц. д-р Десислава Найденова

Prof. PhDr. Júlia Dudášová, DrSc.

Doc. SEODr. PaedDr. Šimon Marinčák, PhD.

REDAKTORI PUBLIKÁCIE

Prof. PhDr. Peter Žeňuch, DrSc.

Prof. PhDr. ThDr. Peter Zubko, PhD.

Mgr. Svetlana Vašíčková, PhD.

Mgr. Juraj Molčányi (technická redakcia)

Publikácia vyšla s finančným príspevím Fondu na podporu umenia.

Publikácia patrí k výsledkom riešenia prcjektu

Cyrilské písomníctvo na Slovensku do konca 18. storočia, APVV-14-0029.

Internetová stránka prcjektu: www.cyrslav.sav.sk

ISBN 978-80-89489-34-3

EAN 9788089489343

Obsah publikácie

Predslov.....	9
I. Liturgické jazyky ako prejav konfesionalnej a jazykovo-etnickej identity	
<i>Ján Doruľa</i>	
Bibličtina.....	13
<i>Peter Žeňuch</i>	
Cirkevná slovančina slovenských veriacich byzantského obradu	21
<i>Svorad Zavarský</i>	
Latinská cesta k identite uhorských gréckokatolíkov?	37
<i>Peter Zubko</i>	
Liturgické jazyky ľudu Zemplína a Šariša pri kresťanských bohoslužbách v roku 1749	47
<i>Ladislav Kačic</i>	
Vernakulárne jazyky v liturgii niektorých reholí na Slovensku v 17. a 18. storočí.....	69
<i>Славия Бърлиева</i>	
Sub anathematis vincula – народностните езици в средновековната Западна църква, славянското богослужение и славянското писмо	75
<i>Jan Stradomski</i>	
Soteriologiczne aspekty sporu o język liturgiczny w katolicko-prawosławnej polemice religijnej w Rzeczpospolitej pod koniec XVI wieku.....	89
<i>Галина С. Баранкова – Елена В. Белякова</i>	
Жанровые и языковые особенности поучений в литургической практике славян.....	101

Eubomíra Wilšinská

Byzantsko-slovanská mníšska tradícia pod Karpatmi
z pohľadu latinskej literárnej kultúry..... 119

Светлана Вашичкова

О языке евангельских перикоп учительных евангелий
карпатского региона..... 133

II. Duchovná kresťanská tradícia a jej odraz v písomnej kultúre

Драгиша Бсјовић

Позајмице из богослужбене поезије и поетика
српског житија..... 143

Светлозар Влајков

Образи-символи в богослужбения стил
на старобългарския книжовен език..... 151

Katarína Žeňuchová

Osobitosti fungovania cirkevnej slovančiny
v nekánonických písomnostiach karpatskej proveniencie 161

Ольга В. Белова

«Святой» язык и разговорная стихия: религиозная лексика
в славянских фольклорных и фольклоризованных текстах
(к проблеме этноконфессионального диалога в народной культуре) 173

Александра Плетнева

Церковнославянский язык
в народной письменности XVIII – XIX веков. 185

Swetlana Mengel

Переводы немецких духовных песен на русский язык
в конце XVII – начале XVIII веков: их рецепция
в культурно-языковой ситуации России и особенности языка..... 193

Mária Prokipčáková

Princípy vzťahu hudby a slova
v cyrilských hudobných prameňoch karpatskej oblasti..... 205

III. Aktuálne otázky prekladania liturgických textov do národných jazykov

Александр Кравецкий

К истории и предыстории литургических переводов
XVII – XXI вв. 227

Jozef Pavlovič

Fenomén „nepreložiteľnosti“ výrazu 239

Walerian Bugel

Specifika a úskalí vytváření překladů liturgických textů
pohledem teologa. Příspěvek k teoretickému rámci
teorie translace bohoslužebných textů západní i východní tradice
ve středoevropských slovanských jazycích 245

Eva Maria Hrdinová

Diverzita versus jednota v mnohosti. Vybrané české pravoslavné
a řeckokatolické překlady Chrysostomovy liturgie 279

Jana A. Nováková

Mezi improvizací a tradicí. K počátkům liturgického snažení
českého a moravského pravoslaví 291

Mária Strýčková

Metodologické východiská pri tvorbe latinsko-cirkevno-slovanského
glosára k výkladu liturgií J. J. Baziloviča 311

Kristína Pavlovičová

O prekladoch Proglasu do slovenčiny 323

Ľuboš Lukoviny

K rozsahu liturgického diela Konštantína Filozofa Solúnskeho 339

Переводы немецких духовных песен на русский язык в конце XVII – начале XVIII веков: их рецепция в культурно-языковой ситуации России и особенности языка

Swetlana Mengel

Светлой памяти Карла Гутшмидта
в честь 80-летия

1. *Распространение «истинного» христианства на «простом» языке – всемирная миссия протестантов-пиетистов из Халле и ее реализация в России*

Привилегию внимать Слову Божию на родном языке славяне получили на шесть с половиной веков раньше народов Западной Европы, где латынь, как известно, стала вытесняться национальными языками только в процессе Реформации, в частности, благодаря переводу Библии на немецкий язык, выполненному Мартином Лютером во время его пребывания *inkognito* в качестве «юнкера Йорка» в замке Вартбург. Первое издание Нового Завета на немецком языке появилось в сентябре 1522 года (т. наз. «*September-testament*»), несколько месяцев спустя, в 1523 году, был издан частичный перевод Ветхого Завета, а в 1525 году полный текст Священного Писания на немецком языке претерпел уже более 20-ти авторизированных изданий и 110 переизданий.

В то время как славяне в конфессионных рамках *Slavia Orthodoxa* на протяжении столетий стремились сохранить чистоту церковнославянского языка, придерживаясь в XVII – начале XVIII веков «концепции греко-славянского православного универсализма» с «установкой на поддержание правильности церковнославянского языка» и лингвистической рефлексией «формального, конвергентного, корректирующего характера»;¹ немецкие последователи Реформации пиетисты из Халле призывали в это время уже к реформе Реформации, включающей также повторную реформу языка книг Священного Писания и богослужения. Август Герман Франке, вдохновитель и руководитель движения пиетизма, обосновывает в специальном лингвистическом трактате необходимость нового перевода священных книг каждые 20 лет с учетом произошедших за это время языковых изменений, чтобы таким образом непрерывно сохранять понятность их содержания простому верующему.

¹ Запольская, Наталья: «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. Москва: Индрик, 2003. 240 с.

В распространении «истинного» христианства на «простом», народном, понятном каждому верующему языке пиетисты из Халле видели основную цель своей «всемирной миссии» и ставили в этой связи своей задачей перевод соответствующих текстов не только на современный им немецкий, но и на различные другие современные национальные языки. Взгляд А.Г. Франке был устремлен на Восток: от «богемских» протестантов к польским католикам и далее к русским православным. Религиозные устремления последних он полагал более близкими пиетизму, чем идеи католичества. Поэтому недоступность (т.е. непонятность) простому русскому верующему содержания текста Священного Писания на церковнославянском языке, т.е. бывшей в употреблении «Острожской Библии»,² представлялась ему особенно проблематичной.

Небольшой по объёму «трактатик» А. Г. Франке «*Arfang der Christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende*», т. наз. «Малый катехизис», кратко и доступно излагающий основы Священного писания, представлял собой квинтэссенцию пиетистской просветительской идеи и был переведен в Халле на целый ряд европейских и неевропейских языков. Его переводу на русский язык в 1704 году суждено было стать одним из первых русских переводов в Европе и первым русским печатным изданием в Германии. Текст этого издания, к сожалению, до наших дней не дошел. Как не сохранилось и печатное издание второго перевода «Малого катехизиса» (рукопись которого хранится в Халле), выполненного балтийским немцем Каспаром Матиасом Родде в 1718 году. В печатном виде сохранилось второе издание этого 2-го перевода, вышедшее в редакции Симона Тодорского и напечатанное в типографии Соротского дома в Халле, по нашему мнению, в 1729 году.³ При чем экземпляры данного издания имеются не только в Халле,⁴ но также в различных библиотеках России.⁵ В отличие от изданий немецкого оригинала «Малого катехизиса» А. Г. Франке и, очевидно, от изданий его первого русского перевода 1704 года и второго русского перевода в первом издании 1718 года к изданию 1729 года прилагается перевод пяти немецких духовных песен и так называемого «Амброзианского гимна» – «*Te Deum laudamus*».

² Библия серъчь книги Ветхаго и Новаго завѣта по языку славенску. Фототипическое переиздание текста с издания 1581 года осуществлено под наблюдением И.Д. Дергачевой по экземплярам Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ. Москва: МГУ, 1988.

³ Mengel, Swetlana: Il *Piccolo Catechismo* di A.H. Francke e le sue traduzioni in russo nel primo trentennio del XVIII secolo. In: *Rivista Storica Italiana*, 2017, anno CXXIX, fascicolo I, s. 206-226.

⁴ Čyževskýj, Dmytro: Der Kreis A.H. Franckes in Halle und seine slavistischen Studien. In: *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1939, Band XVI, Heft 1/2, s. 16–68, 153-157.

⁵ Bykova, Tatjana: Über in Halle gedruckte slawische Bücher. In: *Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen*. Festschrift für E. Winter zum 70. Geburtstag. Berlin, 1966, s. 262-267; Mengel, Swetlana: Pietistische Lieder für Russland? In Gladrow, Wolfgang (Ed.): *Wortbildung, Wörterbuch und Grammatik in Geschichte und Gegenwart der Slavia*: Festschrift für Erika Günther. Frankfurt am Main: Lang, 2005, s. 61-69 (Berliner Slawistische Arbeiten, Bd. 27).

Не вызывает сомнения (как показал лингвистический анализ текста), что балтийский немец К. М. Родде, обучавшийся в университете Халле с 1716 по 1719 годы, выполнил свой перевод «Малого катехизиса» А. Г. Франке именно на русский язык в соответствии с установкой пиетистов – по официальной версии кружка А. Г. Франке его распространение в России предполагалось среди «обрусевших» немецких протестантов. Также, очевидно, не приходится сомневаться и в том, что подобное произведение, т. е. религиозный текст на русском языке, должно было быть отвергнуто в культурно-языковой ситуации России этого (да и последующего) времени не только официальной русской православной церковью, но, по всей вероятности, и её простыми верующими. В редакции С. Тодорского, бывшего студента (и будущего профессора) Киевской Духовной Академии, изучавшего в университете Халле теологию и восточные языки с 1729 по 1735 годы и искренне проникшегося идеей «истинного» христианства, русский перевод К. М. Родде получает как будто лишь минимальные поправки, которые корректируют, однако, не только немногие грамматические ошибки, но и адаптируют протестантскую терминологию к православной. Кроме последнего особый интерес вызывают также два следующих факта: во-первых, небольшое изменение, внесенное в перевод заглавия, и, во-вторых, уже упомянутое приложение к редактируемому изданию катехизиса переводов пяти протестантских духовных песен и «Амброзианского гимна», выполненных несомненно редактором С. Тодорским (на что указывают помимо прочего имеющиеся в переводах украинизмы, см. пункт 2).

По сравнению с названием оригинала «трактатика» А. Г. Франке *«Anfang der Christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende entworfen von M. Aug. Hermann Francken»* в 1-м полном издании 1696 года и с распространением *«Anfang der Christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende und Urfähige Vieles zu lernen»* в последующих изданиях 1703 и 1704 годов, а также с его русским переводом К. М. Родде «Начало христiанского ученiа. во употребленiе и въ ползу всакому правосърному христiанину наипаче невѣдающимъ, и много извѣстнѣу учитсѣ не могущимъ. составлено ѿ Августа Германа Франка», во 2-м издании в редакции С. Тодорского упоминание имени А. Г. Франке заменяется на «из священнаго писанiа въ кратцеъ изображенное»: «Начало христiанского ученiа. во употребленiе и въ ползу всакому правосърному христiанину наипаче невѣдающимъ, и много извѣстнѣу учитсѣ не могущимъ из священнаго писанiа въ кратцеъ изображенное». Наличие в заглавии слов «въ ползу всакому правосърному христiанину», введенных уже в перевод К. М. Родде и отсутствующих в названии оригинала А. Г. Франке, позволяет, как кажется, серьезно усомниться в официальной версии пиетистов из Халле о том, что русский перевод «трактатика» предназначался исключительно для распространения его среди немецких протестантов, живущих в России и утративших якобы свой родной немецкий язык. За словами «въ ползу всакому правосърному

христiанинѣ» скрываются, как кажется, иные реципиенты в России, до которых миссионеры из Халле стремились донести «истинное» христианство, а именно, русские православные. В своей редакции С. Тодорский не снимает эту интенцию: «всѣкомѣ правобѣрномѣ [т. е. «истинному»] христiанинѣ», и не заменяет ее на «православному христианину». Опуская имя pietистского идеолога А. Г. Франке и адаптируя протестантскую терминологию к православной в тексте трактата, он, однако, как кажется, еще более тонко и целенаправленно стремится сделать миссионерскую идею «истинного» христианства более доступной восприятию православного читателя.

Той же цели служат, как представляется, и переводы pietистских духовных песен, а также «Амброзианского гимна», прилагаемые ко 2-му русскому изданию «Малого катехизиса» А. Г. Франке, которые призваны отразить практицирование «истинного» христианства.

«Загадочным» кажется на первый взгляд тот факт, что С. Тодорский заново переводит пять духовных песен и «Амброзианский гимн», которые уже существовали в русском переводе Эрнста Глюка начиная с конца XVII-го века.⁶ Если предположить, что переводы Е. Глюка могли быть С. Тодорскому неизвестны (хотя первый поддерживал тесные контакты с А. Г. Франке), то не приходится сомневаться в том, что церковнославянский перевод «*Te deum laudamus*» должен был быть С. Тодорскому хорошо знаком. В России он существовал уже с 1596 года в составе книги «Молитвы повседневные»⁷ и мог исполняться вместо акафиста во время богослужения.

2. Особенности «простого» языка «русских» переводов Симона Тодорского

Разгадать «загадку» позволяет, как представляется, лингвистический анализ переводов С. Тодорского, в которых он использует (вернее создает) «простой» язык, понятный каждому русскому верующему и достойный для общения с Богом в понимании православного реципиента в России.⁸

---

⁶ Перетц, Владимир: Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3. Из истории развития русской поэзии XVIII в. Санкт-Петербург: типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1902, 186 с.

⁷ Пекарский, Петр: Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. Санкт-Петербург: Товарищество «Общественная польза», 1892, 596 с.

⁸ Основные положения нижеследующего анализа представлены в Менгель, Светлана: Проблематика идентификации текстов «простого» русского языка. Некоторые теоретические размышления. В печати. Ср. также: Менгель, Светлана: К истории становления русского литературного языка нового типа. In: Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 61, 2002, № 5, с. 35–40; Mengel, Swetlana: Die „einfache Sprache“ der hallischen Bibelübersetzungen ins „Russische“. In Lehmann, Volker / Udolph, Ludger (Ed.): Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia. München: Otto Sagner, 2004, s. 233–241.

Бытовавший в России перевод «*Te deum laudamus*» записан рукой К. М. Родде на последнем листе «*Псалтыри учебной*», которую он подарил при отъезде из Халле библиотекарю Сиротского дома Генриху Мильде в 1717 году, о чем свидетельствует соответствующая надпись. Перед нами перевод, выполненный с латинского на церковнославянский язык, как и положено для богослужебных текстов в культурно-языковой ситуации в России и традициях русской православной церкви. К. М. Родде снабжает записанный им текст латинским подстрочником. Корректно по всему тексту используется церковнославянская сложная система прошедших времен, окончание прилагательных в род.п. ед.ч. *-аго*, окончание существительных м.р. мн.ч. тв.п. *-ы* (*непрестанными гласы*); единственный случай «нецерковнославянского» окончания, допустимого, однако в подобного рода произведениях, представлен формой на *-овъ* у существительного м.р. мн.ч. дат.п. (*мучениковъ* вместо *мученикъ*).

По мнению пиетистов из Халле, однако, именно церковнославянский язык в силу его непонятности являлся препятствием для адекватного восприятия религиозных текстов простыми верующими в России, что мешало проникновению «истинного» христианства в их сердца.

Предлагаемый С. Тодорским перевод выполнен с немецкого оригинала перевода М. Лютера и создает общее впечатление текста на «простом» понятном русском языке (см. Рис. 1⁹). При ближайшем рассмотрении устанавливаем, однако, что в тексте полностью отсутствуют основные маркированные русские элементы – формы претеритов на *-л* – и правильно употреблены формы сложной церковнославянской системы прошедших времен, кроме того употребляются нетематический императив ([36] *даждь*), атематическое спряжение ([32] *имашь быти*), а также энклитические формы личных местоимений.

Чем достигается «простота» языка? При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что все выше названные маркированные элементы церковнославянского языка сосредоточены в одном компактном микроблоке, в строках [26-36]: *восхотѣль еси сынъ быти / девичь, и насъ искупити, / тобою смерть всѣхъ попраса, / вѣрнимъ небо дароваса* [26-29] и далее *имашь судѣа быти* [32-33] и *даждь в небе часть получитьи* [36]. Причем аористы (*попраса, дароваса* [28-29]) употреблены в пассивных конструкциях, резкое увеличение числа которых начиная с конца XVII века характерно для деловой письменности. Весь микроблок представляет собой непосредственное обращение к Богу.

В других частях своего перевода Тодорский избегает употребления форм прошедшего времени. Напротив в самом конце текста находится дру-

⁹ Текст перевода С. Тодорского из приложения к «Малому катехизису» А.Г. Франке цитируется по Mengel, Swetlana: „Russische“ Übersetzungen halleischer Pietisten: Simeon Todorskij, 1729–1735. In Mengel, Swetlana (Ed.): Dem Freidenkenden. Zu Ehren von Dietrich Freydanck. Münster – London – Hamburg: LIT-Verlag, 2000, s. 167-188 (Slavica Varia Halensia, Bd. 6).

гой микроблок, содержащий маркантные формы из живого языка переводчика, т.е. юго-западного русского наречия, включающего украинизмы:

( ) ( ) ( )	( ) ( ) ( )	( ) ( ) ( )
<p>1 Господи похвалити, 2 вь тебе ~~спрашываю~~ 3 боже шчи, чмъзъ вь аѣта 4 хвалаѣта божиѣ вѣта, 5 вь аѣта шенизъ горѣ, 6 вь аѣта маѣмаѣ и вь аѣта морѣ, 7 и Сомин хрѣстемъ 8 вонѣблота гдъ Серафимъ: 9 вѣтазъ еи боже нашъ, 10 вѣтазъ еи боже нашъ, 11 вѣтазъ еи боже нашъ Господи Савла- оуа! 12 Державъ твою бжати 13 ширша маѣ вь аѣта вѣта чати, 14 Та лютоши влажнны 15 и пророки божевынны 16 гдъ маѣннеламъ вѣбъ вь аѣта 17 вонѣблота приаѣно.</p>	<p>18 Би хрѣстианскоу паѣма 19 маѣнта и вь вь аѣта вь аѣта, 20 та шѣцъ маѣ вь аѣта гачи, 21 юпѣтепнати Сынъ. 22 Дѣхъ вѣта вь аѣта вѣта, 23 Боготѣпно почитатъ. 24 Хрѣсте ты царя вь аѣта вь аѣта, 25 гдъ шѣцъ маѣ вь аѣта вѣта вѣта вѣта цни. 26 Бохотѣзъ еи шѣцъ вь аѣта 27 дѣвчѣ, и маѣ маѣ вь аѣта, 28 твою шѣртъ вѣтѣзъ поѣма, 29 вѣтѣннѣ маѣ дѣрѣвѣ. 30 Одиѣно шѣцъ маѣ вь аѣта 31 царя вь аѣта, шѣцъ вь аѣта. 32 Ты маѣ маѣ вь аѣта вь аѣта, 33 жѣнѣзъ и шѣртѣзъ вь аѣта, 34 маѣ вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта.</p>	<p>35 Чмъзъ вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта. 36 Дѣвѣ вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта, 37 вѣтѣзъ маѣ вь аѣта вь аѣта вь аѣта, 38 гдъ маѣ вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта 39 шѣцъ вь аѣта вь аѣта вь аѣта 40 дѣвѣ вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта. 41 и маѣ маѣ вь аѣта вь аѣта вь аѣта. 42 маѣ вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта, 43 маѣ вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта. 44 Юхѣннѣ маѣ вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта! 45 да вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта, 46 боже маѣ вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта, 47 вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта. 48 вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта, 49 маѣ вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта, 50 да вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта, 51 вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта вь аѣта. Чмъзъ 54 Дѣвѣ</p>

[49-51] *молимота со слезами, / да тебе мы поручены / небудемо поспрамлены* (в тексте, записанном Родде, в этом месте употребляется аорист: *уповахомъ*, которым переводится перфект латинского оригинала *speravimus, speravi*). Как представляется, интенция данного, завершающего весь текст гимна и потому особенно важного микроблока направлена в противоположность предыдущему (строки [26-36]) в первую очередь, непосредственно к простым верующим. Формы 1 л. мн.ч. наст.вр. не входят, как известно, в традиционный набор маркированных элементов (в строках [42-43] они даны с «нейтральным» окончанием *-емъ*: *похваляемъ / прославляемъ*), их использование для создания «простоты» и понятности языка представляет собой индивидуальное решение С. Тодорского.

Особый сорт религиозных текстов, ориентированных на «понятность» содержания, язык которых считается «простым», формируется в России начиная с конца XVII века; подобного рода «лингвистическая» установка прослеживается, например, в произведениях Феофана Прокоповича и Франциска Скорины. В лингвистической литературе эти тексты определяются как «гибридные» церковнославянские¹⁰ и известны как «особый 'средний' иди-

¹⁰ Живов, Виктор: *Язык и культура в России XVIII века*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996, 591 с.; Zhivov, Viktor: *Language and Culture in Eighteenth-century Russia*. Boston: Academic Studies Press, 2009. 524 p.

ом письменного языка».¹¹ По определению В. М. Живова для «гибридных» текстов характерно обязательное наличие маркированных элементов (прежде всего церковнославянских *versus* русских форм претеритов) и широкая вариативность форм в области нерелевантных признаков.

Именно эту лингвистическую стратегию С. Тодорский умело использует в своем «русском» переводе «Амброзианского гимна» для достижения «простоты» и понятности языка, приемлемого для общения с Богом с целью постижения «истинного» христианства: не отвергая категорически церковнославянского языка как изначально непонятного простому верующему, он сохраняет традицию его применения в духовной сфере, что каждому православному христианину в России доподлинно известно.

Особенность перевода С. Тодорского заключается в том, что традиционная для «гибридных» текстов вариативность грамматических форм в области нерелевантных признаков представлена слабо. Это касается форм инфинитива и форм наст.вр. 2л. ед.ч.: в тексте употреблены исключительно формы на *-ти* и предпочтительно формы на *-ши*: [31-32] *царь сидиши, отцу равный / ты имашь судїа быти*, [40-41] *соблюдеши / возведеши*. Варианты окончаний представлены только во мн.ч. тв.п. существительных м.р.: [7-8] (*и самїи херувими*) / *Воспѣвають с Серафими* – [16] *с мучениками*, и в формах наречий: [16-17] *съ мучениками Всѣ равно / воспеваютта преславно*, [23] *боголѣпно* – [5-6] *Вса силы небесъ горѣ / (Вса на землѣ и въ морѣ)*. Они не связаны с микроблоками и используются в целях стихосложения для создания рифмы. Фонетическая вариативность, на которую обратил внимание Д. И. Чижевский¹², выражается в смешении букв «ы» и «и» (ср. окончания им.п. и тв.п. мн.ч. в [7-8] *херувими* / *Серафими*, [14-15] *блаженны* / *божественны*), что может быть объяснено «украинским произношением» Тодорского. Она также не связана с микроблоками и представлена по всему тексту.

Итак, осознавая богослужбное предназначение текста в плане его использования в культурно-языковой ситуации России, Тодорский выделяет специальный микроблок, обращенный к Богу, и применяет в нем достойный для общения с Богом язык – церковнославянский с принадлежащими ему специальными маркированными элементами. Для понятности текста простому верующему создается другой микроблок, обращенный непосредственно к нему и включающий специальные маркированные элементы живого языка. Вариативность немаркированных грамматических и фонетических элементов, которая представлена не обязательно широко, но разбросана по всему

¹¹ Gutschmidt, Karl: Die Sprache der Vorreden Francisk Skorinas zu den Büchern des Alten Testaments und die sogenannte „einfache Sprache“ bei den orthodoxen Slaven. In: Guski, Andreas – Kosny, Witold (Ed.): Sprache – Text – Geschichte. München: Sagner, 1997, s. 81-91.

¹² Čyževskýj, Dmytro: Der Kreis A. H. Franckes in Halle und seine slavistischen Studien, op. cit.; Чижевський, Дмитро: Українські друки в Галле. Краків-Львів: Українське видавництво, 1943, 32 с.

тексту, призвана, как кажется, сигнализировать отсутствие строгой нормы «стандартного» церковнославянского¹³ и тем самым, опять же, «простоту» языка перевода в целом. Таким образом, бытующему в России строго церковно-славянскому и потому мало понятному в языковом отношении тексту «Амброзианского гимна» С. Тодорский противопоставляет свой «руссифицированный» вариант на «простом» понятном языке.

Прилагаемые к «Малому катехизису» остальные поэтические опыты С. Тодорского представляют собой переводы пяти самых популярных немецких протестантских духовных песен, известных, как уже говорилось, в русском переводе Е. Глюка (см. пункт 1): «*Ach Gott und Herr, wie groß und schwer sind mein' begang'ne Sünden*» Мартина Рутулиуса в обработке Йоганна Майора (в переводе С. Тодорского «*О мой Боже! Кто возможе, толь силнилъ въ свѣтъ быти*»), «*Jesu meine Freude*» Йоганна Франка (в переводе С. Тодорского «*Иисусъ радость*»), «*Wie schön leuchtet der Morgenstern*» Филиппа Николая (в переводе С. Тодорского «*Коль красно денница сілетъ*»), «*Was mein Gott will, das g'scheh allezeit*», приписываемой маркграфу Альбрехту Бранденбургскому (в переводе С. Тодорского «*Еже Богъ хоцетъ навсакъ, время, даждетъ такъ*») и «*Auf meinen lieben Gott trau ich im Angst und Not*» Зигмунда Вейнгертнера (в переводе С. Тодорского «*Посредѣ зла многа, надѣйся на Бога*»).

По аналогии к данному выше определению относительно того, что С. Тодорский предложил свой «руссифицированный» вариант известного в России церковнославянского перевода «*Te deum laudamus*», можно утверждать, что в сравнении с переводами Е. Глюка он предлагает «славянизированные» переводы песен, используя тот же самый «простой» язык в аналогичных целях: донести идею «истинного» христианства на языке, понятном каждому простому русскому верующему и достойном для общения с Богом в понимании православного реципиента в России.

На примере сравнения одной строфы из широко известной немецким протестантам песни «*Wie schön leuchtet der Morgenstern*» Ф. Николая в русском переводе Е. Глюка «*Звезда яснеет утренная*» и в переводе С. Тодорского «*Коль красно денница сілетъ*» продемонстрируем выше названную установку С. Тодорского, отраженную в его переводах и остальных четырех песен (см. Рис. 2¹⁴).

Перевод Е. Глюка значительно ближе к тексту немецкого оригинала не только в плане содержания, но и в языковом отношении: тексту оригинала на современном немецком языке соответствует перевод на современный Глюку русский язык. В более художественном переводе С. Тодорского напротив сознательно вводятся элементы церковнославянского языка на уровне лексики (*денница, сіе, уповаю, поиметь*) и грамматики (употребление кратких форм личных местоимений *ма, нань, та*; звательного падежа *приди свѣтъ красны цвѣтъ*)

¹³ Живов, Виктор: Язык и культура в России XVIII века, op. cit.

¹⁴ Цитируется по Mengel, Swetlana: Pictistische Lieder für Russland?, op. cit.

наряду с употреблением лексических (*коль, ещез*) и грамматических (*до раю* – южно-русская синтаксическая конструкция с предлогом *до* + дат.п. в значении локатива) элементов из простого живого русского языка переводчика.

P. Nikolai

Wie schön leuchtet der Morgenstern

7. Wie bin ich doch so herzlich froh,
dass mein Schatz ist A und O,
der Anfang und das Ende.
Er wird mich doch zu seinem Preis
Aufnehmen in das Paradeis;
Des klopff ich in die Hände.
Amen, Amen,
komm du schöne Freudenkrone bleib nicht lange;
deiner wart ich mit Verlangen.

J.E. Glück

Звезда как яснеет утренная

7. Сердечно я радуюся
Жених мой аз да ужица
Премудро наречется
Да послее душа моя
В рай от него возьмется
На верх же возведется
Аминь, аминь
будет тако, ты, однако, прискорися,
мой жених, не премедлися.

S. Todorskiĭ

Коль красно денница сіаетъ

7. Богъ богатствомъ мнѣ бываетъ,
Коль ма сіе ввещаетъ.
Бжезъ нань збоваю,
Пониметь ма онъ и дораю.
Аминь, аминь прииди свѣтъ
Красны цѣтъ, та желаю
Та всѣмъ сердземъ ожидаю.

Рис. 2

3. Рецензия русских переводов немецких духовных песен в России

В заключение остается предложить ответ на вопрос увенчалась ли попытка пиетистов из Халле донести идеи «истинного» христианства до простых православных верующих в России, как это задано в названии «Малого катехизиса» («въ подзѣ всакомѣ правобѣрномѣ христѣанинѣ наипаче невѣданиимъ, и много извѣстнѣо ѹчитиса не могѹциимъ», см. пункт 1), с помощью переводов песен, необходимых для его практицирования. В серьезности этого намерения сомневаться,

как кажется, не приходится. То же самое приложение, включающее пять песен и «Амброзианский гимн» в переводе С. Тодорского, было опубликовано еще раз в напечатанной в Халле книжице «Пять избранных Псалмов царствующаго пророка ДАВИДА съ прензаченными пѣснями похвалными двохъ церковныхъ учителей ЯМБРОСИА и ЯВУСТИНА также къ ползѣ разнородныхъ росіанъ издадощася». Нашли ли рассмотренные здесь переводы песен С. Тодорского своих реципиентов в России?

Д. И. Чижевский¹⁵ считал в свое время, что издание русского перевода «Малого катехизиса» А. Г. Франке с приложением было неизвестно в России, а из издания книжицы «Пять избранных Псалмов» туда было отправлено из Халле всего 15 экземпляров. В середине 1960-х годов Т. Быкова¹⁶ обнаружила, однако, в Ленинградской Публичной библиотеке один экземпляр печатного издания «Малого катехизиса» с приложением, но без титульного листа и каких-либо помет читателей. В июле 2004 года в Научной библиотеке им. А. М. Горького Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова мне посчастливилось обнаружить еще один – полный – экземпляр «Малого катехизиса» из Халле, который не был обозначен в каталоге и стоял под записью издания «Пять избранных Псалмов царствующаго пророка ДАВИДА», вместе с которым он там и хранился.¹⁷ На титульном листе катехизиса русским почерком XVIII-го века специально обозначено «съ пѣсними». Во время как в русском тексте катехизиса помет нет, ко всем переводам песен на полях (как кажется, другим почерком) приписаны их первые строки (т.е. названия) на немецком языке, а к последней седьмой строфе перевода «Воль красно денница сілетъ» дан полный текст немецкого оригинала (ср. Рис. 2). Несомненно данные пометы свидетельствуют о рецепции в России переведенных С. Тодорским немецких духовных песен, хотя в данном случае, очевидно, не простыми русскими православными верующими, а скорее образованными людьми: на экземпляре имеется печать «Императорского Московского Университета».

Е. Глюк перевел на русский язык 52 духовных протестантских песни, в их числе и «Амброзианский гимн» – «Пѣсны благодаренныя», выполненный с немецкого оригинала М. Лютера¹⁸ (так же, как это в последствии сделал С. Тодорской, см. пункт 2). Переводы Е. Глюка сохранились в рукописи «*Allehand Lieder so der Prærositus Glück in das Russische übersetzt*», которую обнаружил В. Н. Перетц в I отделении Императорской Академии Наук в Петербурге в архиве Йоганна Вернера Пауса (или Паузе) – весьма известного представителя pietистов, окончившего университет в Халле с научной степенью магистра теологии и прибывшего в Россию в 1702 году с рекомендательным письмом

¹⁵ Čyževskýj, Dmytro: Der Kreis A.H. Franckes in Halle und seine slavistischen Studien, op. cit.

¹⁶ Bykova, Tatjana: Über in Halle gedruckte slawische Bücher, op. cit.

¹⁷ Mengel, Swetlana: Pietistische Lieder für Russland?, op. cit.

¹⁸ Перетц, Владимир: Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3, op. cit., с. 67-69.

А. Г. Франке для работы в московской Академической гимназии Е. Глюка,¹⁹ которой Й. В. Паус некоторое время руководил после смерти последнего, получив затем должность переводчика в Петербургской Академии Наук. Сохранившиеся русские переводы немецких протестантских духовных песен Е. Глюка снабжены комментариями Й. В. Пауса и опубликованы в этом виде В. Н. Перетцем²⁰ вместе с оригинальными переводами 52 других протестантских духовных песен, выполненных уже самим Й. В. Паусом и собранных в рукописи «*Praxis Pietatis Melica*», также хранящейся в выше названном архиве.²¹ Хотя лингвистические установки обоих ученых, авторов первых русских грамматик (оставшихся в рукописи),²² не совпадают – Й. В. Паус, как известно, исходя из культурно-языковой ситуации в России начала XVIII века, призывал сохранить церковнославянский в русском литературном языке –, не вызывает сомнения тот факт, что оба ученых стремились перевести немецкие духовные песни, используемые в протестантском богослужении, на народный русский язык, как того требовали идеи Реформации и пиетизма. Об этом свидетельствует лингвистический анализ переводов, в частности, последовательное использование в них русских претеритальных форм на –л.²³

Такое положение вещей позволяет сделать вывод, что реципиентами данных переводов предполагались действительно немецкие протестанты, жившие в России и утратившие свой родной немецкий язык, а не широкий круг русских православных верующих, которым предназначались, по всей вероятности, переводы С. Тодорского (см. пункты 1–2). Изыскания В. Н. Перетца доказывают, что Й. В. Паус заботился о распространении своих и Е. Глюка русских переводов немецких духовных песен, на что указывают сохранившиеся в его архиве отдельные списки переводов, а также систематически составленные сборники песен в русском переводе Е. Глюка и его са-

¹⁹ Белокуров, Сергей – Зерцалов, Александр: О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701 – 1715 гг.): документы московских архивов, собранные С. А. Белокуровым и А. Н. Зерцаловым, с предисловием С. А. Белокурова. Москва: издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1907, XLII с., 244 с.

²⁰ Перетц, Владимир: Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3, оп. cit., Приложения, с. 14-83.

²¹ Перетц, Владимир: Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3, оп. cit., с. 16; см. список переведенных Й. В. Паусом песен там же, с. 258-276.

²² Keipert, Helmut – Uspenskij, Boris – Živov, Viktor: Johann Ernst Glück. Grammatik der russischen Sprache (1704). Köln–Weimar–Wien: Böhlau, 1994, 402 s.; Johann Werner Paus: Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache. Transkript des Autographs der Akademiebibliothek St. Petersburg, Handschri-ft-tenabteilung, Signatur Q 192/I. Bearbeitet von Andrea Huterer, Schlußredaktion von Helmut Keipert mit computertechnischer Unterstützung durch Daniel Bunčić. Als Manuskript ausgedruckt für Deutsche Forschungs-gemeinschaft (Bonn), Biblioteka Akademii nauk, Otdel rukopisej (S.-Peterburg) und Archiv der Franckeschen Stiftungen (Halle/S.). Bonn, 2016, 530 s.

²³ Ограниченные рамки данной статьи не позволяют дать подробный и полный лингвистический анализ переводов Е. Глюка и Й. В. Пауса.

мого, написанные им собственноручно или рукой различных писцов, в частности, чистовой список из 81 листа «Пѣвчая книга содержащая в себѣ всякия пѣсны руския з немецкаго переведены от Яв. Вѣрнера Паусъ на Москвѣ 3 лѣта 1704 и даже до 1705», выполненный писцом Яковом Никоновым.²⁴ Распространение песен в рукописи (а не в печати), как кажется, также свидетельствует об относительно узком круге реципиентов в России, которыми являлись жившие здесь (немецкие) протестанты.

Подтверждением сделанному выводу служит, на наш взгляд, и находка К. Гюнтера, сделанная им в 1960-е годы в Государственной библиотеке Тюрингии в Веймаре.²⁵ В каталоге библиотеки он обнаружил запись: «*Deutsche geistliche Lieder mit russischer Übersetzung*». Хранящийся под записью документ представляет собой чистовую рукопись из 109 листов; на 101 листе записаны 45 духовных песен – на каждом листе: слева – на немецком языке, а справа – в русском переводе Е. Глюка. Рукопись хранится в специальном картонном футляре темно-красного цвета, украшенном золотыми вензелями. Внешний вид футляра и вензеля соответствуют оформлению книг библиотеки великой герцогини Саксен-Веймар-Эйзенахской Марии Павловны, великой княжны Марии Павловны Романовой, которая в 1803 году сочеталась в Петербурге браком с наследным принцем Карлом Фридрихом, будущим великим герцогом Саксен-Веймар-Эйзенахским. Венчавшись в Петербурге, Мария Павловна не должна была менять конфессию и оставалась до конца жизни православной. Можно, однако, предположить, что при отъезде в Веймар ей был сделан соответствующий подарок, призванный ознакомить ее с протестантским богослужением. Традиция распространения русских переводов немецких духовных песен в рукописи была и в этом случае сохранена.

Архивные документы

Anmerkungen über die Rußischen Frag=Stücken – правка первого русского перевода «Малого катехизиса» А. Г. Франке 1704 года. Архив фонда А. Г. Франке в Халле, Н I 25b:4.

Начало христіанского ученія. Во употребленіе и въ ползу всякому правосѣльному христіанину напечатана и много издѣтнхъ учителнхъ не могущихъ. составлено ѿ Августа Ерманна Франка – рукописный перевод К. М. Родде «Малого катехизиса» А. Г. Франке, напечатанного в типографии Сиритского дома в Халле в 1718 году. Архив фонда А. Г. Франке в Халле, 155 М 96.

Пять избранныхъ Псалмовъ царствъицаго пророка ДАВИДА съ прензаченными пѣснями похвалными двохъ церковныхъ учителей ЯКИБРОСА и ЯВГУСТИНА также къ ползу разнанныхъ росіанъ издадоса. Научная библиотека им. А. М. Горького Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Ред. 538, 4, 253312.

Deutsche geistliche Lieder mit russischer Übersetzung – рукопись. Государственная библиотека Тюрингии в Веймаре, 0 350.

²⁴ Петец, Владимир: Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3, op. cit., с. 276-277.

²⁵ В моем распоряжении находятся рукописные записи К. Гюнтера, любезно переданные мне его вдовой, профессором Берлинского университета им. Гумбольдта, ныне покойной Е. Гюнтер.